ЛЕНИНГРАДСКАЯ СИМФОНИЯ

К 60-летию победы над фашизмом

Одному из лучших русских писателей XX века Алексею Толстому посчастливилось в 1942 году, в разгар войны, присутствовать на репетиции Седьмой (Ленинградской) симфонии Дмитрия Шостаковича под управлением дирижера Самуила Самосуда в тыловом городе Куйбышеве, и он, потрясенный драматической мощью и красотой этой музыки, оставил потомкам бесценное описание своего первого впечатления:

«В большом фойе, между колонн, расположился оркестр Московского Большого театра... За пультом – Самосуд – по-рабочему, в жилетке. Позади него на стуле Шостакович, похожий на злого мальчика. Наверху, высоко на хорах, облокотясь о дубовые перила, застыли очарованные слушатели... Взмахивает мокрыми волосами Самосуд, пронзает палочкой пространство, скрипки запевают о безбурной жизни счастливого человека.

Седьмая симфония посвящена торжеству человеческого в человеке. Постараемся (хотя бы отчасти) проникнуть в путь музыкального мышления Шостаковича, – в грозные темные ночи Ленинграда, под грохот разрывов, в зареве пожаров, оно привело его к написанию этого вдохновенного произведения.

...Скрипки рассказывают о безбурном счастьице, в нем таится беда, оно еще слепое и ограниченное, как у той птички, что "ходит весело по тропинке бедствий..." В этом благополучии из темной глубины неразрешенных противоречий возникает тема войны – короткая, сухая, четкая, похожая на стальной крючок. Тема войны возникает отдаленно и вначале похожа на какую-то простенькую и жутковатую пляску, на приплясывание ученых крыс под дудку крысолова. Как усиливающийся ветер, эта тема начинает колыхать оркестр, она овладевает им, вырастает, крепнет. Крысолов со своими железными крысами поднимается из-за холма... Это движется война. Она торжествует в литаврах и барабанах, воплем боли и отчаяния отвечают скрипки. И вам, стиснувшему пальцами дубовые перила, кажется: неужели, неужели все уже смято и растерзано? В оркестре – смятение, хаос.

Нет, человек сильнее стихии. Струнные инструменты начинают бороться. Гармония скрипок и человеческие голоса фаготов могущественнее грохота ослиной кожи, натянутой на барабаны. Отчаянным биением сердца вы помогаете торжеству гармонии. И скрипки гармонизируют хаос войны, заставляют замолкнуть ее пещерный рев. Проклятого крысолова больше нет, он унесен в черную пропасть времени. Смычки опущены, – у скрипачей, у многих, на глазах слезы. Слышен только раздумчивый и суровый – после стольких потерь и бедствий – человеческий голос фагота. Возврата нет к безбурному счастьицу. Перед умудренным в страданиях взором человека – пройденный путь, где он ищет оправдания жизни.

За красоту мира льется кровь. Красота – это не забава, не услада и не праздничные одежды, красота – это пересоздание и устроение дикой природы

руками и гением человека. Симфония как будто прикасается легкими дуновениями к великому наследию человеческого пути, и оно оживает.

Средняя часть симфонии – это ренессанс, возрождение красоты из праха и пепла. Как будто перед глазами нового Данте силой сурового и лирического раздумья вызваны тени великого искусства, великого добра.

Заключительная часть симфонии летит в будущее... вы подхвачены светом, вы словно в вихре его... С возрастающим напряжением вы ожидаете финала, завершения огромного музыкального переживания. Вас подхватывают скрипки, вам нечем дышать, как на горных высотах, и вместе с гармонической бурей оркестра, в немыслимом напряжении вы устремляетесь в прорыв, в будущее...»

Так писал Алексей Толстой в статье «На репетиции Седьмой симфонии Шостаковича», впервые напечатанной в газете «Правда» 16 февраля 1942 года. Сквозь «пещерный рев войны» симфония пробивала дорогу «красоте, которая спасет мир». Историческим фоном и созидающим началом Симфонии служило мученическое ленинградское побоище, определенно не имевшее аналогов в долгой и кровавой истории человечества...

***

Восьмого сентября 1941 года, когда немецкие дивизии сомкнули вокруг Ленинграда смертельные клещи от Петергофа на Финском заливе до Шлиссельбурга на Ладожском озере, жители города увидели дым гигантского пожарища – это горели взорванные немецкими бомбами Бадаевские продовольственные склады, в которых хранилось 3000 тонн муки и тысячи тонн масла и других продуктов. Историки по разному оценивают влияние пожара на Бадаевских складах на разразившийся вскоре голод, однако, совпадение дат полного окружения Ленинграда и пожара на Бадаевских складах было страшным предзнаменованием Блокады. Академик Дмитрий Лихачев рассказывал, что над городом сперва образовалось красивое белое облако. Поднимаясь ввысь густыми, рельефными «клубами, как хорошо взбитые сливки, оно росло, розовело в лучах заката и наконец приобрело гигантские, зловещие размеры». Бело-розовое облако было дымом горевшего масла. Зловещее бело-розовое облако – словно леденящее душу пророчество «мене... мене… текел… упарсин» на стене дворца Валтасара.

Еще об одном жутком предвестнике катастрофы рассказывали очевидцы – в те сентябрьские дни огромная колонна крыс прошла по городу из района Бадаевских складов на север и, перекрыв движение на нескольких улицах, начала растекаться по подвалам и припортовым складам. Ленинградским крысам некуда было «бежать с тонущего корабля», и они претерпели весь кошмар голодной блокадной зимы: сначала крысы обгрызали трупы умерших ленинградцев в мрачных, заледенелых квартирах, а затем сами были съедены обезумевшими от голода людьми...

В истории Второй мировой войны много удивительных и великих эпизодов самоотверженной борьбы с фашизмом – битва за Англию, оборона Брестской крепости, битва за Москву, оборона Севастополя, сражение при Эль Аламейне, Сталинградская битва, сражение у аттола Мидуэй в Тихом океане, восстание в Варшавском гетто, высадка американского десанта во Франции. Однако, первым городом, остановившим победоносное шествие немецких полчищ по Европе, стал Ленинград. По своим масштабам и глубине, трагедия и мученическая гибель его жителей и защитников, по–видимому, не имеют аналогов в мировой истории. Правда об этом по разным причинам

замазывается до сих пор. История Великой Отечественной войны переврана, история сражения за Ленинград переврана вдвойне, а история Ленинградской блокады скрыта под тройным слоем вранья.

После войны в Соляном городке, что на набережной Фонтанки напротив Летнего сада, был создан обширный и замечательный Музей обороны Ленинграда, в который я – школьник младших классов – ходил несколько раз с родителями. Этот музей чуть-чуть, совсем немножечко приоткрывал завесу над трагедией мучеников ленинградской блокады. В нем были уникальные подлинные вещи блокадников, документы и фотографии, собранные по горячим следам только что ушедшей войны. Но даже это «чуть-чуть» не понравилось кремлевскому начальству. Музей, по их мнению, «создавал миф» об особой блокадной судьбе Ленинграда, принижал роль Сталина и возвышал руководителей блокадного Ленинграда – Кузнецова, Попкова, Капустина и Лазутина, объявленных вследствие этого изменниками родины и вскоре расстрелянных. В 1949 году на мутной волне погромного «Ленинградского дела» Сталин распорядился закрыть музей. Заметая следы своих преступлений, Маленков и другие сталинские прихвостни буквально разгромили музей и уничтожили большинство его редчайших экспонатов. Не по нутру пришлась Кремлю правда о ленинградской блокаде.

Прошло еще много лет (нескоро всплывает на поверхность правда о советской истории – слишком много камней привязано к ее скрученным ногам), и один из блокадников – академик Дмитрий Лихачев – написал в своих воспоминаниях:

«Правда о ленинградской блокаде никогда не будет напечатана. Из ленинградской блокады делают “сюсюк”. “Пулковский меридиан” Веры Инбер – одесский сюсюк. Что-то похожее на правду есть в записках заведующего прозекторской больницы Эрисмана, напечатанных в “Звезде” (в 1944 или 1945 году). Что-то похожее на правду есть и в немногих “закрытых” медицинских статьях о дистрофии. Совсем немного и совсем всё “прилично”…»

Я всегда полагал, что правду о ленинградской блокаде преднамеренно скрывают, но не решался высказать это столь определенно, как Дмитрий Лихачев. Вот только один типичный сюсюк, пользуясь терминологией академика, на тему о Ленинградской блокаде.

Советские писатели, привыкшие сусально подвывать вслед за партийным начальством, назвали ледовую трассу через Ладожское озеро Дорогой жизни. Блокадники, однако, не забыли, что на самом деле эту дорогу все называли “дорогой смерти”. Трудно себе представить что-либо более жуткое, чем транспортировка живых людей по этой дороге. Ночью, под немецким обстрелом, машины, преимущественно с женщинами и детьми, двигались в полной темноте по льду среди снежных заносов. Они часто проваливались в полыньи, и люди гибли в ледяной воде без надежды на помощь – следовавшие за ними машины не могли останавливаться и как можно быстрее объезжали полынью. Были случаи, когда дети корчились под водой на глазах у родителей, не имевших возможности помочь им. Люди сходили с ума на этой дороге. По ту сторону Ладоги обессиленных людей часто грабили, а иногда и убивали, спуская трупы под лёд. Сколько детей было убито, умерло от истощения, замерзло заживо, провалилось под лёд, пропало без вести на этой «дороге жизни»? Блокадники свидетельствуют: весной 1942 года, когда снег стаял, на всем протяжении полотна железной дороги от города до Ладоги валялись детские трупы и части детских трупов вперемежку с детскими игрушками и

раскрытыми чемоданами. Хмурые глубины Ладожского озера не позволили увидеть еще более страшную картину.

***

Сколько людей умерло в Ленинграде от голода, холода, авиабомб и артобстрелов?

В материалах Нюрнбергского процесса над главными нацистскими преступниками была опубликована цифра жертв Блокады: 632 тысячи 254 человека. Эта цифра в округленном варианте – 600 тысяч, вошла в историю и, наряду с цифрой – 6 миллионов умерщвленных евреев, стала одним из трагических символов преступлений фашизма. Имеются, однако, и другие, весьма будничные цифры из отчета Управления коммунального обслуживания Ленсовета: 1 миллион 93 тысячи захороненных в общих могилах и 115 тысяч кремированных в печах кирпичного завода, то есть всего 1 миллион 208 тысяч человек. Разница – около 2-х раз – никак не может быть объяснена естественной погрешностью подсчетов. Можно было бы на этом закрыть вопрос – обе цифры достаточно чудовищные, если бы не странно-нервное поведение советских властей при их обсуждении.

Дмитрий Павлов – бывший Уполномоченный Государственного комитета обороны (то есть уполномоченный Сталина) по снабжению продовольствием населения и войск Ленинграда в период блокады, фигура сомнительных нравственных качеств по мнению историков, в 70-е годы всячески противился публикации любых новых данных о числе жертв Блокады. Сначала он добился изъятия упоминания о 800-х тысячах жертв из нового издания «Истории КПСС», затем, с помощью высокопоставленных партийных деятелей – секретаря ЦК КПСС Суслова и первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Романова, сумел исключить эти данные из переиздания «Истории Второй мировой войны». Наконец, «неизвестные лица» исключили эту цифру из 3-го издания мемуаров маршала Жукова, вышедшего в 1978 году уже после смерти маршала. И это все несмотря на авторитетное подтверждение цифры 800000 комиссией специалистов Института военной истории.

Многие историки считают – цифра 800 тысяч также занижена. Перед войной в Ленинграде было 2 миллиона 500 тысяч жителей. К ним нужно добавить, по крайней мере, 150 тысяч беженцев из Прибалтики и Ленинградской области. В 1943 году в городе осталось 600 тысяч человек. Куда подевались 2 миллиона и 50 тысяч человек? По официальным данным примерно 150 тысяч ленинградцев ушли на фронт, и мы их жертвами блокады не считаем. Из 900 тысяч эвакуированных многие умерли в дороге, но мы их жертвами блокады также не считаем. Вот и получается, что умерло в городе за два года блокады около 1-го миллиона людей, что многими историками подтверждается и с цифрами из отчета Управления коммунального обслуживания вполне согласуется.

Возникает вопрос – и чего это большевики так нервно переполошились, словно в их курятник проник незнакомый петух? 600 тысяч, 800 тысяч, 1 миллион – ну, какая им разница, в конце-то концов, – ведь фашистская это работа? Ответ элементарно прост – большевики прекрасно понимали, что Сталин, сталинское Политбюро в полном составе, а вместе с ними вся приближенная к ним партийная номенклатура типа Дмитрия Павлова персонально виновны в уморении голодом одного миллиона ленинградцев. Бабий Яр без всяких затруднений и нравственных терзаний полностью списывался большевиками на немецких фашистов, Катынский лес с некоторыми мерами предосторожности, легким волевым усилием также списывался на немецко-фашистских захватчиков, а вот с ленинградским голодом все списать на Гитлера никак не вытанцовывается.

Почему не вывезли из города, по крайней мере, всех стариков и детей до наступления зимы, то есть в июле, августе, сентябре, октябре и ноябре? – ведь времени для этого было предостаточно.

Почему в августе и начале сентября, вплоть до закрытия последней железной дороги продовольствие из города упорно вывозили вместо того чтобы его завозить?

Почему не завезли достаточное для выживания количество муки по Ладожскому озеру до его замерзания? – ведь Осиновецкий военно-грузовой порт на Ладоге прекратил работу из-за ледостава лишь 12 декабря.

Почему не перебросили достаточное для выживания количество продуктов по воздуху? – ведь транспортных самолетов типа «Дуглас» было достаточно, и аэродром внутри блокадного кольца работал бесперебойно.

Полагаете, на эти вопросы нет ясных ответов? Ошибаетесь – на эти вопросы есть однозначные ответы. И все они сходятся на одном – высшее военно-политическое и партийное руководство СССР виновно в уморении голодом одного миллиона ленинградцев.

Вопрос первый – почему не вывезли из города, по крайней мере, всех стариков и детей? Ответ – потому что руководство считало более важным вывезти из города продовольствие, военную промышленность и вооружение и использовало для этой цели все имевшиеся транспортные средства.

Вопрос второй – почему в августе вывозили из города продовольствие? Ответ – потому что в августе руководство собиралось сдать город вместе с жителями немцам, как это было сделано в сентябре с Киевом.

Вопросы третий и четвертый – почему не завезли достаточное для выживания количество продовольствия? Ответ – потому что в критический для выживания города момент значительная часть автотранспорта вместе с шоферами и практически вся транспортная авиация вместе с летчиками были у Ленинграда изъяты по решению высшего органа власти – Государственного комитета обороны (ГКО), ибо по мнению ГКО грузовики и самолеты были нужнее на других фронтах.

***

В Ленинградской симфонии тема нашествия возникает отдаленно и поначалу лишь слегка тревожно. Вторжение врага-убийцы ещё не затмило свет иллюзорного, «безбурного, слепого и ограниченного счастьица», в котором «таится беда». Однако положение быстро меняется, и вот уже сапоги захватчиков грохочут у твоего дома. Беспощадный вал нашествия, в котором явно слышатся железные ритмы немецких бронетанковых дивизий, обрушивается на беззащитных людей, сокрушая и ломая их жизни.

В первые дни войны ленинградцы, обманутые бесчестной сталинской пропагандой, полагали, что серьезные неприятности им не грозят – ведь до Западной границы не менее 750 км. От границы до Даугавпилса – 250 км, от Даугавпилса до Пскова – тоже 250 км, от Пскова до Ленинграда – еще 250 км. Не смогут немцы пройти такой невероятно длинный путь – Красная армия прежде разобьет их. Немцы были в Даугавпилсе на четвертый день войны – средняя скорость продвижения примерно 60 км в день. Немцы с ходу взяли Псков на семнадцатый день войны – средняя скорость продвижения на участке Даугавпилс-Псков примерно 20 км в день. После падения Пскова, наконец-то, всем стало ясно – еще через две недели фашисты будут под Ленинградом. Красная армия не просто отступала, она была окружена и разгромлена, а оставшиеся боеспособные части беспорядочно

отходили вглубь страны. Восьмая армия Северо-Западного фронта была полностью дезорганизована, сдала Псков практически без боя и, потеряв связь с другими войсками, отходила на север к Ленинграду.

Август 1941, Ленинград
Дмитрий Шостакович на крыше консерватории

Профессору Ленинградской консерватории Дмитрию Шостаковичу власти неоднократно предлагали эвакуироваться. Он мог уехать ещё в июле вместе с косерваторией, которую отправили в Ташкент, или с Союзом композиторов. Шостакович, однако, упорно отказывался уехать и, более того, пытался записаться добровольцем в народное ополчение. К счастью, у руководства штаба народного ополчения хватило ума отказать ему; в противном случае музыкальный гений XX века, в голове которого уже сложилась тема нашествия великой Седьмой симфонии, почти наверняка погиб бы в июле-августе 1941-го на Лужском рубеже под Ленинградом.

В конце концов, 28 августа Шостакович согласился уехать вместе с киностудией «Ленфильм» – отправление было назначено через два дня. Но никто уже не уехал через два дня из Ленинграда, ибо 28 августа немецкие войска перерезали последнюю железную дорогу в районе станции Мга. Шостакович остался в блокадном Ленинграде ещё на месяц. В доме номер 29 по Большой Пушкарской он заканчивал первую часть Симфонии. Композитор позже вспоминал:

«Я начал работать над Седьмой симфонией в самые первые дни войны… Но в это время я выполял две обязанности: композитора и пожарника – дежурил на крыше консерватории. И таскал туда партитуру, не мог от неё оторваться. Знаете, иногда можешь всё-таки оторваться от своей работы, а вот тогда я не мог. Не люблю такие слова про себя говорить, но это была самая вдохновенная моя работа.»

Фотография Дмитрия Шостаковича в пожарном шлеме на крыше Ленинградской консерватории в августе 1941 года стала исторической реликвией XX века, его, если хотите, реалистическим символом, вобравшим в себя и все божественное, и все дьявольское этого века.

***

В середине первой части Ленинградской симфонии, после потрясающего столкновения гигантского вала вражеского нашествия с волной народного отпора, после беспощадного побоища наступает момент, болезненно точно воспроизводящий критическую ситуацию у стен Ленинграда в начале сентября. Шостакович, находившийся в эпицентре смертельной схватки и еще не знавший, чем она закончится, увидел, тем не менее, надвигающийся на город панический хаос. Страшное смятение возникает в трагических звуках симфонии, и кажется: вот-вот все рухнет, и вражеский железный шквал сметет город с лица земли...

Кольцо блокады уже сомкнулось. Пребывавший в состоянии буйного бешенства Гитлер требовал от Вильгельма фон Лееба – командующего Группой армий «Север» – немедленного захвата Ленинграда и соединения с финнами на севере. Генерал-фельдмаршал фон Лееб торопил свои войска, и те, озверев от бессмысленного, на их взгляд, упрямства казалось бы давно разгромленных советских войск, рвались к хорошо видимому в бинокль городу, круша все на своем пути. 12 сентября пало Красное село, а затем – Пушкин (Царское село) и Стрельна. В руинах, объятые огнем пожаров, лежали всемирно известные царские дворцы и парки Ораниенбаума, Петергофа, Царского села и Гатчины.

На подступах к Ленинграду шли тем временем, как говорят, кровопролитные бои. Это слово-штамп «кровопролитные», на самом деле, пустой звук при оценке той свирепой схватки не на жизнь а на смерть, которая разыгралась в излучине между Лугой и Невой. Любой бой кровопролитный, если это бой, а не отступление без боя, а тот бой не был обычным боем. Тот бой вообще не был боем, а был истребительным побоищем, ибо только смерть врага устраивала каждую из сторон. В сентябре под Ленинградом обе стороны проявляли эпическое бесстрашие и презрение к смерти в кровавой схватке у стен великого города. Немцы яростно атаковали, прорывая и ломая одну за другой линии обороны русских. Русские ожесточенно сопротивлялись, вставая снова и снова перед танками врага на рубежах, опасно приближавшихся к городским кварталам. Руки захватчика со вздувшимися от страшного напряжения жилами тянулись к горлу города. «Дорогой смерти» назвали немцы путь от Луги до Невы. Приневская болотистая равнина была устлана трупами советских и германских солдат – первых пока было значительно больше.

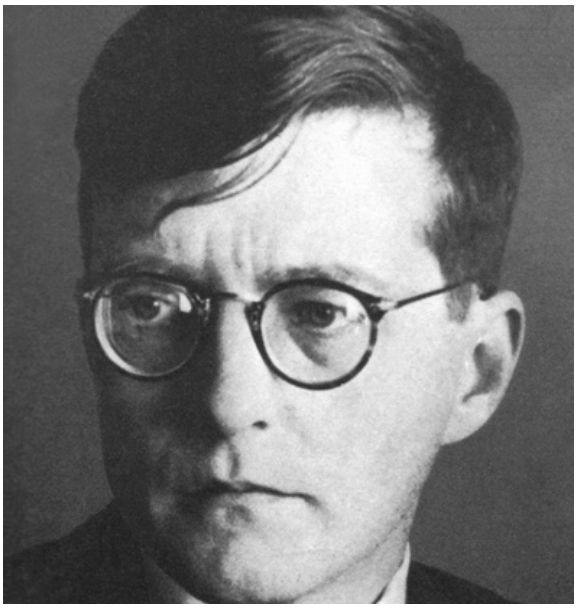
Самым тяжелым днем обороны города историки считают 15 сентября. В этот день немецкие танки ворвались в Урицк на юго-западной окраине города и, проскочив его, оказались в заболоченной низине, где их встретил последний на пути к Кировскому заводу заслон из остатков войск 42-й армии и ополченцев Октябрьского района.

Одновременно немцы прорвали оборону в районе Царского Села и вышли к Пулковским высотам на южной окраине города в 15 км от Эрмитажа. На высотах, с которых открывалась панорама великого города, горела всемирно известная Пулковская обсерватория с провалившимся куполом над Главным телескопом Академии наук СССР. Положение города становилось критическим – немцы вот-вот могли ворваться вглубь городских кварталов. Началось паническое бегство солдат из окопов на южной окраине города. Заградительные отряды НКВД задержали в эти дни у Средней Рогатки, что в начале нынешнего Московского проспекта, более пяти тысяч бойцов, оставивших поле боя.

***

Семнадцатого сентября в осажденном городе, пребывавшем на грани катастрофы, произошли два глубоко символичных события.

Событие первое: днем по ленингадскому радио выступил известный композитор Дмитрий Шостакович, он рассказал жителям осажденного города, что заканчивает сочинение Седьмой симфонии, которую вскоре назовут Ленинградской.



Я просмотрел хронику культурой жизни мира за 1941 год, третий год Второй мировой войны. Меня интересовало – сочинял ли кто-нибудь и где-нибудь в мире симфонии? В попедоносной Германии, насаждавшей германский дух и немецкие порядки на большей части европейского континента, и в союзной Италии новых симфоний не было. В Америке, ещё не вступившей в войну, симфонии не сочинялись. Англии, уже третий год воевавшей с Гитлером, было не до симфоний. В залитой кровью Польше некому было писать симфонии. В оккупированной Франции, чьи военные неприятности, если не считать партизан-антифашистов и евреев, ограничивались некоторыми бытовыми неудобствами, никому в голову не приходило заняться сочинением симфонии.

Симфония сочинялась лишь в окруженном фашистскими войсками Ленинграде. Симфония, ставшая духовным событием века, сочинялась в городе, который ежедневно бомбили и ежечасно обстреливали, в городе, на который надвигался голодный мор. Великая симфония сочинялась в городе, который стоял на пороге падения, разгрома и тотальной кровавой резни. Как это следует понимать? Нет ли в этом какой-то фатальной предопределенности, не стоит ли за этим недоступный человеческому разуму Божественный змысел? Не знаю...

Событие второе: вечером в квартире на Большой Пушкарской Дмитрий Шостакович сыграл своим друзьям и коллегам две первые части Симфонии. Очевидцы вспоминают:

«Впечатление было ошеломляющим. Когда музыка отзвучала, все долго молчали. Слова казались неуместными, беспомощными… Автор нервным движением раскрыл папиросную коробку и закурил…»

Исполнение второй части было прервано сиреной воздушного налета. Проводив детей в бомбоубежище, композитор сыграл первые две части ещё раз...

Пути к творческой вершине необъяснимы и загадочны. Как и когда в голове или, скорее, в душе композитора зародилась эта гениальная тема нашествия? На этот счет есть две версии. По первой, романтической версии тема нашествия в ее развитии сложилась от звуков ленинградских улиц в августе 1941 года. От воя сирен, лязга танковых гусениц, разрывов бомб и снарядов, грохота рушащихся домов, от всего облика города в огне пожаров. Вторая версия, более реалистичная, и, на мой взгляд, не менее возвышенная, исходит от учеников Шостаковича. Они утверждают, что центральная мелодия темы нашествия, была сочинена композитором ещё до начала войны, и что война и ленинградская трагедия лишь ускорили придание ей законченной и совершенной симфонической формы. Но тогда возникает вопрос – кто же этот «крысолов со своими железными крысами»? Гитлер или Сталин? Это – гениальное предвидение фашистского нашествия, или это – ощущение устрашающей поступи сталинской диктатуры, или, наконец, это – обобщенный образ наступления тоталитаризма на личность?

Первого октября по решению властей Дмитрий Шостакович вместе с семьей и партитурой Седьмой симфонии был эвакуирован самолетом в Москву, а затем поездом в Куйбышев. Там он заканчивал партитуру симфонии, но творческая вершина уже была пройдена. И достигнута она была в осажденном Ленинграде...

***

Историк и писатель Виктор Демидов приводит в книге «*Рассекреченная блокада*» (со ссылкой на документы Центрального архива министерства обороны) ранее не публиковавшиеся потрясающие факты, раскрывающие причины катастрофической смертности от голода в начале 1942 года.

Жестокий голод в городе начался в ноябре 1941 года. Вот выдержка из постановления Военного Совета Ленинградского фронта, датированного 19 ноября. Оно красноречивее любых художественных описаний и картин ужаса, его не должны забыть потомки.

Постановление N 00409

19 ноября 1941 г. г. Ленинград

1. Во избежание перебоев в обеспечении хлебом войск фронта, населения г. Ленинграда установить с 20 ноября 1941 г. следующие нормы отпуска хлеба:
   Рабочим и ИТР – 250 гр.
   Служащим, иждивенцам и детям – 125 гр.
   Частям первой линии и боевым кораблям – 500 гр.
   Летно-техническому составу ВВС – 500 гр.
   Всем остальным воинским частям – 300 гр.
2. Выдать в третьей декаде ноября месяца 100 гр. сухофруктов и 100 гр. картофельной муки по детским карточкам…

Член Военного Совета секретарь ЦК ВКП(б) Жданов
Член Военного Совета Кузнецов

Во избежание недоразумений подчеркну, что начиная с 20 ноября суточный рацион питания служащих (т.е. ученых, музейных работников, преподавателей и т.п.), иждивенцев (т.е. стариков) и детей состоял из 125 граммов хлеба – не подумайте невзначай, что выдавались еще какие-либо продукты. О качестве 125 граммов ленинградского блокадного хлеба рассказывал директор Музея хлеба Михаил Глазманицкий: 125 грамм ленинградского блокадного хлеба только на 50% состояли из муки. Остальное: 25% – целлюлоза, 25% – другие примеси. Об этих других примесях можно судить по названиям отчетов Центральной лаборатории треста «Хлебопечение»: «Применение гидроцеллюлозы в хлебопечении», «Выпечка ржаного формового хлеба с примесью соснового луба», «Использование древесных ветвей в хлебопечении».

Положение с продуктами питания быстро ухушалось. Виктор Демидов приводит таблицу поступления продовольственных грузов в Ленинград, взятую им из личной записной книжки секретаря обкома партии, дивизионного комиссара Т.Ф. Штыкова. Эта таблица содержит 70 наименований продуктов питания, начиная от муки и кончая лавровым листом. В столбце «ноябрь» прочеркнуты все наименования кроме: мука – 891 т. В столбце «декабрь» прочеркнуты все наименования кроме: мука – 11315 т., зерно – 244 т., сухари – 9 т., крупа –1472 т., мясо – 1113 т., масло – 139 т., сахар – 43 т., молоко сгущ. – 158 т., овощи – 2 т. Таким образом, за два последних месяца 1941 года в город было завезено примерно 12200 тонн муки, остальное можно вообще не считать, ибо эти крохи не могли заметно изменить баланс питания двухмиллионного города с оборонявшей его армией и флотом. Для сравнения упомянем, что в мирное время в Ленинград завозилось наряду с другими 70-ю видами продуктов не менее 42000 тонн муки ежемесячно.

Доктор биологических наук Юрий Москаленко подсчитал, что при том количестве калорий, которое получали блокадники, продолжительность выживания не могла превышать одного месяца. По-видимому, в ноябре у населения еще были некоторые собственные запасы продуктов, и это задержало агонию. Но вот наступил холодный декабрь, Ладога замерзла, прервав единственную водную связь с Большой землей, ледовая трасса еще не существовала, и вся надежда была на транспортную авиацию.

***

Во второй половине декабря 1941 года в городе иссякли последние запасы пищи. Все, что можно было есть, было съедено, включая дуранду и жмыхи – остатки пищи для уже давно съеденного скота. Заканчивались запасы столярного клея, из которого готовили студень. Были съедены все голуби, кошки и собаки, включая знаменитых «павловских собак» в Институте физиологии Академии наук. Начали есть вареную кожу и так называемый «дрожжевой суп» – вонючее месиво из горячей воды с забродившими древесными опилками. Уже в течение месяца дневной рацион стариков и детей состоял из 125 граммов хлеба. Взвесьте ради любопытства такую порцию и попробуйте прожить с ней один день. Они жили с этим уже больше месяца. И в этот момент, где-то в двадцатых числах декабря, Государственный комитет обороны нанес ленинградцам из Москвы два неожиданных и жестоких удара.

Первый удар – немедленно сформировать и отправить в распоряжение Верховного главнокомандования пять автотранспортных батальонов, в том числе два батальона с Ладожской ледяной дороги, с полной заправкой и с лучшими водителями.

Второй удар – немедленно перевести снабжавшие Ленинград продовольствием с аэродрома Хвойное транспортные самолеты типа «Дуглас» под Москву.

Вследствие этих двух ударов в последние дни 1941 года и в первые дни нового 1942 года большинство ленинградцев вообще ничего не ели. В эти трагические дни у большинства из них были сломлены последние силы и остатки физиологической защиты от смертельной голодной болезни.

Начался повальный мор января 1942 года. Умирали в первую очередь беженцы, не имевшие хлебных талонов, затем дети и старики, а также ученые, ибо они были отнесены советской властью к категории служащих, которым полагалась наименьшая 125 граммовая порция хлеба. Непрерывные артобстрелы, непроходимые, темные, занесенные снегом улицы, опаленные разрывами зажигательных бомб и огнем пожаров, жуткий сорокаградусный мороз, сковавший дома без тепла, электричества, воды и канализации, добивали тех, кто пытался противиться смерти от голода.

Ленинградские руководители пытались возражать против мер ГКО. В ночь с 25 на 26 декабря Второй секретарь обкома и горкома партии Алексей Кузнецов и председатель облисполкома Николай Соловьев осмелились позвонить по этому вопросу самому Сталину. Сталин к телефону не подошел, но его секретарь Поскребышев записал просьбу и обещал прислать ответ. А просьба была простая – не отбирать автотранспорт и самолеты, поскольку положение с продовольствием критическое. Критическое в том смысле, что продовольствия в городе нет. Вечером 26-го декабря в Ленинград пришел ответ Москвы – смертный приговор голодным жителям осажденного города:

«Дугласы» нужны на других фронтах. Продовольствие и пушки можно поставлять по ледяной дороге. Подписи: Молотов. Маленков. Микоян.

Итак, имена убийц названы ими самими – как говориться, добровольное признание, смягчающее вину еще и потому, что за спиной этой МММ троицы стоял подлинный автор смертного приговора ленинградским ученым, старикам и детям – лучший друг и родной отец всех советских детей, стариков и ученых товарищ Сталин.

***

Массовый мор начался в первых числах января, но пик смертности от голода пришелся на конец февраля – начало марта, когда начали умирать женщины, как правило, переносившие голод легче мужчин. В эти месяцы 1942 года Ленинградский похоронный трест вместе с выделенным для этих целей полком (полком!) НКВД не успевал убирать мерзлые трупы с улиц и вывозить к местам общих захоронений обглоданные голодными крысами трупы из ленинградских квартир. Трупы сотен тысяч ленинградцев сбрасывались в общие могилы-ямы на Пискаревском кладбище, сваливались на землю Волковского кладбища. Десятки тысяч мертвых ленинградцев ждали захоронения в снежных сугробах и в промерзших квартирах.

Неделями и месяцами лежали трупы умерших от голода и замерзших людей на улицах и площадях красивейшего города мира – на стрелке Васильевского острова, на Кронверке у Петропавловского собора, в Александровском саду, на Марсовом поле и у решетки Летнего сада. Трупы умерших от истощения людей были настолько сухими, что почти не разлагались и могли лежать долго в промерзших квартирах. Родственники умерших не хоронили близких и продолжали жить в одной комнате вместе с трупами. Они отоваривали хлебные карточки умерших – так многие и выжили.

Немыслимые трагедии разыгрывались в темных, зловонных от грязи и неубранных экскрементов блокадных квартирах – этом последнем круге кромешного ада. Люди жили без электричества, без воды и канализации, без радио и газет. Они не знали, что происходит на фронте, в городе, в стране и в мире. Люди жили невыносимой для живых существ жизнью. Нечеловеческий быт, голод, смерть вокруг, жизнь без надежды размывали остатки нравственности и порядочности. Люди грабили квартиры умирающих и комнаты умерших соседей. По городу катилась волна повального грабежа и убийств. Люди, доведенные голодом до тупого отчаяния, отнимали еду у своих близких, переставали кормить стариков, чтобы выжили дети, переставали кормить одного ослабевшего ребенка, чтобы выжил другой. Были случаи и пострашней. Одна женщина собирала к себе на квартиру детей умерших путиловских рабочих, получала на них хлеб по детским карточкам но не кормила. Обессиленные от голода дети не могли вставать – они тихо лежали и умирали.

Продолжительный голод вызывал у людей тяжелые психические расстройства и стирание личности, доводил их до неуправляемого скотского состояния. В январе и феврале – два самых тяжелых месяца блокады – было выявлено 453 случая каннибализма и трупоедства. Это – официальная статистика. А неофициальные свидетельства блокадников говорят о том, что трупоедство стало в городе рутинным бытовым явлением. Я не располагаю исчерпывающими данными о других исторических случаях трупоедства в состоянии крайнего голода, но есть основания полагать, что такого размаха, как в блокадном Ленинграде 1942-го года, это явление не принимало нигде и никогда. На улицах валялись раздетые трупы с вырезанными мягкими частями тела. Мясо с трупов было срезано до костей, голые обрезанные трупы были страшными – вспоминают очевидцы. А что творилось за темными окнами квартир, в которых умирали голодные люди? Кто расскажет об этом? Один Бог – тому свидетель.

Дмитрий Лихачев пишет, что ленинградское людоедство нельзя осуждать огульно, и это, конечно же, правильно. Ленинградское людоедство – позорное клеймо военно-политическому руководству сталинского режима. Для многих ленинградцев людоедство было единственным способом выжить или спасти от смерти близких людей. Когда ребенок умирает от голода, и ты знаешь, что его может спасти только мясо, – отрежешь от трупа. Многие, кроме того, занимались продажей человеческого мяса под видом коровьего, бараньего или собачьего – это тоже был способ выжить. Были, однако, и более страшные промыслы. В городе появилось несколько постоянно действующих пунктов забоя людей на мясо. Лихачев описывает один из таких пунктов на углу Зелениной и Гейслеровского. В том месте якобы продавали картошку. Покупателю предлагали заглянуть под диван, где лежала картошка, и, когда он наклонялся, следовал удар топором в затылок. Когда преступление было раскрыто, в квартире нашли кости многих людей. Убивали людей на мясо и на улицах, и в темных подворотнях, и на неосвещенных лестничных клетках.

Другим страшным символом ленинградской блокады были дистрофики – люди в состоянии крайнего, предсмертного истощения, но ещё живые. Всем известны кадры освобождения советскими и американскими войсками узников гитлеровских концлагерей; на этих кадрах – изможденные, страшно худые люди с выпирающими из-под кожи костями. Одним словом – дистрофики. Их вид в своё время потряс всё человечество и стал ещё одним обличением гитлеровскому фашизму. Но никто и нигде не продемонстрировал ещё кинохронику с ленинградскими дистрофиками. Да и существуют ли такие ленты или

фотографии? Остались немногочисленные письменные свидетельства очевидцев, главным образом, врачей. Кроме того, ленинградская дистрофия послужила основой изучения этого смертельного состояния в ряде научно-медицинских статей и книг.

Ленинградская дистрофия, как правило, была необратимой. Эта болезнь доводила организм человека до столь тяжелого состояния, что его невозможно было спасти даже с помощью нормального питания. Получив такое питание, многие дистрофики тем не менее умирали от дистрофического поноса. По свидетельству блокадников ленинградские дистрофики являли собой нечто ужасное, никогда и нигде прежде не наблюдавшееся. Вот как Дмитрий Лихачев описывает одного из научных сотрудников Пушкинского дома за несколько дней до смерти от голода:

«Рот у него не закрывался, изо рта текла слюна, лицо было черное, волосы совсем поседели, отросли и создавали жуткий контраст черному цвету лица. Кожа обтянула кости. Особенно страшна была эта кожа у рта. Она становилась тонкой-тонкой и не прикрывала зубов, которые торчали и придавали голове сходство с черепом».

***

В ту первую блокадную зиму, казалось, сама природа ополчилась на жителей города. 11 октября, намного раньше обычного выпал снег, а затем ударили неслыханные морозы, не ослабевавшие до конца марта. 24 января 1942 года температура опустилась до минус 40 градусов по Цельсию. 25 января остановилась последняя электростанция «Красный Октябрь» – нечем было топить котлы. Прекратило передачи ленинградское радио. Город онемел и погрузился в ледяной мрак, словно Солнце остыло и Землю охватил космический холод, словно жизнь на планете прервалась. И только вой и разрывы немецких снарядов да залпы кронштадских батарей напоминали о страшной войне, о гигантской схватке, бушевавшей вокруг умирающего города.

Такова правда о ленинградской блокаде. Пусть не запечатлённый кинохроникой облик ленинградского дистрофика станет двойным обличением извергам XX века – партийным вождям гитлеровской Германии и сталинского Советского Союза.

***

Пятого марта 1942 года, когда голодный блокадный мор достиг своего апогея, внешний мир услышал о ленинградской трагедии – в тыловом волжском городе Куйбышеве состоялась премьера Ленинградской симфонии Дмитрия Шостаковича. За дирижерским пультом стоял Главный дирижер Большого театра Союза ССР Самуил Самосуд. Симфония транслировалась из Куйбышевского Дворца культуры по радио на весь Советский союз с торжественной преамбулой: «Говорит Москва. Работают все радиостанции Советского Союза».

29 марта симфония была исполнена в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, откуда транслировалась радиостанциями Великобритании и США.

Мир воспринял симфонию, как важнейшее событие Второй мировой войны. Крупнейшие Западные оркестры пытались получить право первого исполнения. Началось нелегкое победное шествие симфонии, несшей миру весть об истребительной войне России с фашистами, по столицам стран антигитлеровской коалиции.

Фотопленка с партитурой симфонии через Ташкент, Ашхабад, Иран, Ирак, Египет, Северную Африку и Атлантику попадает в Англию. В июне 1942 года она исполняется симфоническим оркестром ВВС в Лондоне, в огромном Королевском концертном зале

«Альберт-холл» под управлением выдающегося музыканта Генри Вуда для английских солдат, летчиков, моряков и рабочих военных заводов.

Затем фотопленка партитуры на боевом корабле доставляется через Атлантический океан в Америку. Выдающиеся американские дирижеры – Сергей Кусевицкий и Леопольд Стоковский – включились в состязание за право первого исполнения Симфонии в Америке, но Шостакович отдал предпочтение семидесятипятилетнему Артуро Тосканини, покинувшему свою родную Италию, где властвовал фашизм.

19 июля 1942 года, когда на подступах к Сталинграду развернулась решающая битва Второй мировой войны, в огромной студии «Радио-Сити» в Нью-Йорке состоялась грандиозная американская премьера Ленинградской симфонии под управлением великого Артуро Тосканини. Сотни радиостанций США и Латинской Америки транслировали Симфонию. В сезон 1942-1943 года она была исполнена симфоническими оркестрами США шестьдесят два раза – американцы с волнением вслушивались в звуковые образы великой битвы с фашизмом, которая шла в далекой России.

Однако вершина драматической судьбы Ленинградской симфонии была ещё впереди...

Выдающиеся дирижеры мировых премьер Ленинградской симфонии (слева направо): Самуил Самосуд (Куйбышев, 5 марта 1942 г.), Генри Вуд (Лондон, июнь 1942 г.), Артуро Тосканини (Нью-Йорк, 19 июля 1942 г.)

***

В истории музыки много удивительных событий, достойных самой высокой патетики. Однако никогда и нигде не случалось ничего столь драматичного и возвышенного, как исполнение Ленинградской симфонии Дмитрия Шостаковича 9 августа 1942 года в окруженном фашистами Ленинграде – точно в эпицентре того последнего круга ада, в котором симфония родилась, о котором она рассказывала и который она объясняла. Когда я перечитываю снова и снова эту историю, каждый раз возникает чувство сопричастности с чем-то безмерно великим, с какими-то глубинными корнями человеческой духовности – сердце бьется учащенно и комок подступает к горлу.

Исторический фон этого события был совершенно ужасным. Летом 1942 года Красная армия, вопреки всем надеждам и сталинским обещаниям, потерпела ещё более

тяжелые поражения, чем в начале войны. В конце мая, в результате бездарно спланированного Сталиным и Тимошенко «наступления» на Харьков, в «харьковском котле» были окружены и полностью уничтожены вместе со всем командованием и штабами три армии Юго-Западного фронта. Немецкие войска, разгромив южный фланг советских войск, отрезали от страны Кавказ и вышли в излучину реки Дона в том месте, где Дон ближе всего к Сталинграду. 26 июля германские танковые и моторизованные дивизии прорвали оборону 62-ой армии, прикрывавшей Сталинград, и устремились к Волге. Ставка пыталась остановить немцев, бросив против них две не полностью укомплектованные танковые армии и две стрелковые дивизии, что привело лишь к новому разгрому. По среднему течению Дона немецкое командование дополнительно развертывало против советских войск итальянские, венгерские и румынские дивизии. К началу августа страна вновь стояла на грани национальной катастрофы небывалого масштаба – никогда прежде враг не доходил до глубинной русской реки Волги.

Немецкое командование, вдохновленное победами под Сталинградом, решило возобновить кампанию по захвату Ленинграда, едва оправившегося от истребительной, холодной и голодной зимы в кольце блокады, и объявило о своем намерении провести парад победоносных германских войск на Дворцовой площади 9 августа.

***

В этот тяжелейший момент Великой Отечественной войны в осажденном Ленинграде появляется скромная афиша:

Управление по делам искусств Исполкома Ленгорсовета
Ленинградский комитет по радиовещанию
Большой зал Филармонии
Воскресенье, 9 августа 1942 года
Концерт симфонического оркестра
Дирижер К.И. Элиасберг
Д.Д. Шостакович, Седьмая симфония (в первый раз)

Подготовка этой премьеры, подробно описанная во многих воспоминаниях, напоминает фантастическую военную операцию.

Военно-транспортным самолетом из Москвы доставляется партитура симфонии. Единственный оставшийся в живых ленинградский дирижер Карл Элиасберг, едва оправившийся от голода в стационаре для дистрофиков при гостинице Астория, где немецкое командование собирается устроить банкет по случаю взятия города, восторженно читает партитуру. Высокий и страшно худой Карл Элиасберг в интеллигентских очках едет по Невскому проспекту на велосипеде, на руле которого болтается кастрюля – на случай, если удастся раздобыть еду. Дирижер едет на велосипеде через весь город в Политуправление фронта, что в Политехническом институте, с просьбой прислать из действующей армии музыкантов-духовиков. Начальник Политуправления генерал Дмитрий Холостов мрачно шутит: «Бросим воевать, пойдем играть», но, тем не менее, духовиков присылает.

Продажа билетов в Большой зал Филармонии на Ленинградскую симфонию; август 1942, Невский проспект, у входа в «Пассаж».

На переднем крае обороны города устанавливаются мощные динамики для трансляции симфонии немцам. Командующий Ленинградским фронтом генерал-лейтенант Леонид Говоров приказывает 42-ой армии подготовить артиллерийские батареи к подавлению возможного вражеского артобстрела во время исполнения симфонии.

30 июля Карл Элиасберг едет на велосипеде с неизменной кастрюлей на руле в Смольный, чтобы обсудить премьеру со Вторым секретарем Ленинградского горкома партии Алексеем Кузнецовым. С утра до вечера в Филармонии идут ежедневные репетиции симфонии. Музыканты, присланные с фронта, не без труда восстанавливают свои профессиональные навыки.

***

И вот наступил день 9 августа. В Большом зале Филармонии собрались немногие из выживших ленинградских меломанов, моряки Балтийского флота, руководители города А. Кузнецов, П. Попков и Я. Капустин, впоследствии расстрелянные Сталиным, командующий фронтом генерал Л. Говоров и начальник Политуправления фронта генерал Д. Холостов.

Диктор Ленинградского радио, не называя места трансляции, с волнением объявляет:

«Слушайте, товарищи! Сейчас будет включен зал, откуда будет исполняться Седьмая симфония Шостаковича»

Главный дирижер Большого симфонического оркестра Ленинградского Радиокомитета Карл Элиасберг

Карл Элиасберг поднимает дирижерскую палочку, и под сводами парадного, ослепительной белизны зала, сверкающего позолотой и малиновым бархатом, в самом центре разрушенного, изможденного города, на 355-й день блокады, зазвучала музыка, написанная в этом городе и посвященная его трагической судьбе.

Очевидцы вспоминают – нельзя говорить о том, какое впечатление произвела симфония на ленинградцев. Это было не впечатление, это было потрясение. Перед слушателями развернулась картина беспощадной схватки, свидетелями и участниками которой они сами были. Они вновь прошли через кошмар вражеского нашествия, через поражения, через страдание и горе, у которых уже нет слез. Они опустились на дно безысходности, и оттуда, из хаоса снова начали восходить к жизни.

И когда в темной глубине хаоса, среди мечущихся под ударами бесчеловечного врага звуков скорби, вдруг начали зарождаться другие звуки – звуки отпора и надежды, когда в оркестре начала крепнуть, а затем поднялась во весь свой гигантский рост выстраданная ленинградцами могучая мелодия победы, тогда… ударили огромные корабельные орудия линкоров Балтийского флота. Их мелодию подхватили артиллерийские батареи 42-ой армии, и на головы проклятого врага, так долго мучившего этот город, на его командные пункты, узлы связи и батареи вместе со шквалом звуков великой симфонии обрушился мстительный смерч из огня и железа.

За наш Ленинград – огонь! За умерших от голода и холода – огонь! За погибших в бою – огонь! Смерть немецким оккупантам – огонь!

Ни одно музыкальное произведение нигде и никогда не сопровождалось таким мощным аккомпанементом. Абстрактные музыкальные образы и устремления реальной жизни слились в тот день в единое целое. Ни одно музыкальное произведение нигде и никогда не было таким мощным оружием в схватке с врагом. Ленинградская поэтесса Ольга Берггольц писала в те дни:

«Мы победим фашистов. Товарищи, мы обязательно победим их! Мы готовы на все испытания, которые ещё ожидают нас, готовы во имя торжества жизни. Об этом торжестве свидетельствует Седьмая симфония, произведение мирового искусства, созданное в нашем осажденном, голодающем, лишенном света и тепла городе, – в городе, сражающемся за счастье и свободу всего человечества».

***

Я должен признаться, что верю в символы и знаки, подаваемые высоким искусством.

В тот день, 9 августа 1942 года, оставалось ещё полтора года до прорыва Блокады Ленинграда и почти три года до штурма Рейхстага, долгая дорога к победе над фашизмом пролегала через Сталинградскую битву, через годы страданий и тысячи километров кровавых военных дорог, но… мне представляется, что в тот день в белоколонном, божественной красоты зале Ленинградской филармонии, под аккомпанемент балтийских батарей, сам Господь Бог сыграл отходную гитлеровскому режиму.

Здесь, в центре самого красивого и самого несчастного города планеты, само Провидение подало людям Земли знак надежды с помощью бессмертной Ленинградской симфонии.

Юрий Окунеы
Май, 2005

Литература:

С. Хентова, «Шостакович в Петрограде–Ленинграде», Лениздат, 1981.
Л. Соллертинская, «Жизнь Дмитрия Шостаковича», ТЕРРА, Москва, 1997.
А. Варсобин (составитель), «Письма о войне и блокаде», Лениздат, 1985.
В. Демидов (составитель), «Рассекреченная Блокада», Бояныч, Санкт-Петербург, 1995.
Д. Лихачев, «Воспоминания», LOGOS, 2000.
С. Волков, «История культуры Санкт-Петербурга», ЭКСМО, Москва, 2004.